

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Фигурка черта, когда-то вырезанная Максимилианом Волошиным из виноградного корня, едва не свела с ума поэтессу Лию Дмитриеву. Спустя годы фигурка попала в руки нового хозяина, и он решил воспользоваться якобы заключенной в ней мистической силой...

Мария СПАССКАЯ

Кукла крымского мага

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Кукла крымского мага

«ЭКСМО»

2014

Спасская М.

Кукла крымского мага / М. Спасская — «Эксмо»,
2014 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-75440-3

Когда-то поэт Максимилиан Волошин нашел на берегу моря затейливый виноградный корень, вырезал из него черта и подарил влюбленной в него Лиле Дмитриевой. А потом выдумщик Макс превратил никому не известную Лилу в загадочную поэтессу Черубину де Габриак. И Лиля, поместившая деревянного беса на почетное место в своей петербургской квартире, поверила: он даровал ей талант слагать стихи... Прошло много лет, менялись поколения жильцов, но черт оставался на месте. До тех пор, пока в городе не появилась журналистка Женя Колесникова. Она приехала на похороны отца, которого ни разу не видела, и не сразу поняла, что попала в эпицентр странной и пугающей мистификации. Как вскоре выяснилось, на самом деле ее отец жив, а историю со своими похоронами он придумал, затеяв опасную интригу. Помимо воли в нее оказалась втянута и Женя...

ISBN 978-5-699-75440-3

© Спасская М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	30
-----------------------------------	----

Мария Спасская

Кукла крымского мага

*Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить, когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти в темноте наобум
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал...
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.*

М. Волошин

© Спасская М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Коты никогда не кричат просто так. Если кошачья душа вызывает о помощи, значит, ей действительно плохо. Или наоборот, хорошо настолько, что хочется поделиться счастьем со всем миром. Персидский кот Кекс голосил благим матом. Я услышала его пронзительный вой еще на площадке первого этажа и, не дожидаясь лифта, взбежала по ступенькам, на ходу доставая из сумки ключи. Знакомый звон металла о замок заставил Кекса подбавить трагических ноток в переливчатые модуляции. Кот нетерпеливо стенал, выжидая, когда распахнется дверь, чтобы, взыв, как сирена, прыгнуть мне на руки. Орущий пушистый комок замолчал, успокаиваясь, и только тогда я услышала телефонный звонок. Стоящий у кровати аппарат буквально разрывался от перезвона, нервируя впечатлительное животное, испуганно заломившее уши у меня на руках.

– Кекс, что случилось? – Я потрепала кота по мягкой белой шерсти. – Ты никогда не боялся звонков.

Кот осуждающе взглянул на меня круглыми голубыми глазами и, спрыгнув на пол, отправился в ванную. А я шагнула в комнату и взяла телефонную трубку.

– Где ты ходишь? – Голос Василия звучал глухо и раздраженно. – Весь вечер тебе звоню, не могу дозвониться! Мобильник не берешь, к домашнему не подходишь!

Докучливая опека сводного брата начала меня раздражать уже давно. Теперь же, наложившись на усталость, вызвала неконтролируемый всплеск негативных эмоций. Дожила! Не могу пройтись вечером после работы, чтобы не вызвать недовольство родственника! Да, был у нас роман, но кратковременный и несерьезный. Василий мне очень помог в трудный момент, и я даже подумала, что люблю сына отчима. Но без него мне гораздо лучше, чем с ним, это факт. Сводный брат не хочет понять, что я – это я, а он – это он, цепляясь за обломки былого, как свалившийся в пропасть за чахлую травинку.

– Василий, что ты хотел? – сердито осведомилась я, даже не пытаясь скрыть досаду, явственно прозвучавшую в голосе.

– Какого черта шляешься по ночам? – выдохнул мой собеседник. – Это опасно.

– Опасно что?

– Много моральных уродов в это время суток выползают из своих поганных нор. Но я не об этом. Отец собирается с Юриком на юг. Я и подумал – может, поедем с ними? Помнишь, как раньше, одной семьей? Правда, нет Марьяны...

Вот именно. Мамы больше нет. Так что одной семьей не получится. И вообще, ничего у нас с Василием не получится. После смерти матери я редко захожу к ним, хотя Юрий ни в чем не виноват. Но видеть маленького братика, которого моя мать любила гораздо сильнее меня, мне нестерпимо больно. Юрий родился от человека, которого мама любила всю свою жизнь, но это совсем другая история...

– Не думаю, что хочу ехать к морю, – вяло откликнулась я.

– А что ты хочешь?

– Спать.

– Ну и спи.

– Пока.

– Пока.

Я положила трубку, злясь на себя за то, что дала втянуть себя в эти странные отношения. Скидывая на ходу туфли, отправилась на кухню, по дороге убеждаясь, что коту было на что жаловаться. Пустая миска, валяющаяся рядом с кухонным столом, ясно давала понять, что Кекса нестерпимо одолевает жажда. И его демонстративный поход в ванную, по всей видимости, призван намекнуть на то, что котам необходима вода. Пушистый и белый, он стоял в стойле и с достоинством ждал, когда совесть заставит меня нагнуться, поднять миску и наполнить ее живой влагой. Шумная струя ударила в раковину, и я подставила кошачью поилку. Звонok телефона задребезжал снова. Опять Василий! Должно быть, не наговорился! Набрал воды, я поставила полную миску в кошачий угол и, перешагнув через припавшего к ней Кекса, устремилась в комнату.

– Ну, что еще? – сердито выдохнула я.

– Женья? – Незнакомый мужской голос на том конце провода звучал бесстрастно и сухо. – Женья Колесникова?

– Да-а, это я.

Я и сама услышала растерянность, сквозившую в моем ответе, ибо не ожидала звонков от незнакомцев в столь позднее время.

– Отец умер.

– Какой отец? – опешила я, не понимая. – Кто говорит?

– Говорит Викентий Сирин, друг и сосед Мерцалова Максима Леонидовича, – проскрипела трубка. – Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

Говорит. Именно это имя записано в моем свидетельстве о рождении в графе «отец».

– Максим умер вчера от сердечной недостаточности. Прямо в нашей коммуналке. Я обзваниваю родственников и знакомых. И тебе звоню, потому что ты дочь, и ближе тебя у него никого не было.

Умер. Отец. Максим Леонидович Мерцалов. Все люди смертны, вот и мой отец умер.

– Мне жаль.

Мне действительно жаль, хотя я не видела отца ни разу в жизни. Он оставил нас с Марьяной, как только я родилась. Больше двадцати лет назад вернулся к себе в Питер и ни разу не поинтересовался, как мы живем. Меня растили мама и бабушка, и в какой-то момент, когда у Марьяны было плохо с работой, мы продали московскую квартиру и переехали сюда, в небольшой подмосковный городок. Мне очень повезло, что на пути Марьяны повстречался приличный человек, хоть и с ребенком, и взял маму замуж. Только поэтому я не росла безотцовщиной, хотя радоваться тут особенно нечему, ибо сводный братец Василий мне испортил в детстве немало крови. И до сих пор, как видите, продолжает портить.

– Приедешь на похороны?

А надо? Зачем я там нужна? Если при жизни не виделась, неужели после смерти отцу станет легче, если я приеду?

– Само собой. Диктуйте адрес.

Я взяла карандаш и под диктовку скрипучего голоса нацарапала питерский адрес покойного родителя на картонке от пачки сахара.

* * *

Позже, анализируя свой поступок, я снова и снова приходила к выводу, что всегда хотела знать, какой он, мой биологический отец. Именно это желание и заставило меня согласиться на странную авантюру с поездкой в Санкт-Петербург. И еще надежда обрести самостоятельность. Ведь если я самая близкая родственница, как уверяет Викентий Сирин, то, значит, и наследница. Возможно, что не единственная, но в любом случае что-то мне причитается по закону. И если продать квартиру в Лесном городке и присовокупить к ней папино наследство, то, возможно, я обоснуюсь в том же самом Питере, чтобы быть подальше от Василия с его невероятным занудством. Всю ночь, снедаемая любопытством, я сидела в Интернете, выискивая сведения о покойном. И папа не подвел. Стоило мне забить в поисковик «Максим Мерцалов», как «google» услужливо выкинул множество фотоснимков привлекательного молодого мужчины с пронзительными синими глазами и мягко очерченным ртом. Длинные выющиеся волосы с благородной сединой на некоторых картинках он собирал в хвост и тогда становился похож на молодого Марлона Брандо. Википедия извещала, что он холост, бездетен и, судя по списку влиятельных друзей и могущественных знакомых, невероятно общителен. В основном камера фотографа ловила Максима Леонидовича на пафосных презентациях, ибо трудился он в глянцевого журнале «Невский эстет» и вел колонку о мировых бестселлерах. Вездесущий Интернет выводил на экран изображения отца с известными писателями, у которых он брал интервью и о ком писал статьи. Рядом с отцом мелькали Чак Полланек, Ирвин Уэлш, Дэн Браун. Но больше всего снимков было сделано с популярными авторами детективов, нашими соотечественниками братом и сестрой Грефами, которых я не читала из принципа. Я всегда игнорирую раскрученных авторов, захваленных проплаченной прессой, предпочитая выискивать на прилавках книжных магазинов что-то свое. Грефы же были чуть ли не самыми расстиражированными детективистами нашей страны. Яркая кокетливая блондинка Элла и невозмутимый бритый наголо Эд со связкой кулонов на шее и стальным взглядом прищуренных глаз позировали то в книжном магазине, то в ночном клубе, то на фоне подсвеченного фонарями Адмиралтейства в центре их родного Питера. Мне стало понятно, в кого у меня тяга к журналистике, и из профессионального любопытства я ознакомилась со статьями отца, сделав вывод, что журналистом он был толковым. Интересно и обстоятельно отец рассказывал про детство Грефов, полное приключений и забавных случаев, описывал их бурную юность, которую близнецы провели, исследуя джунгли. Он был вхож в их плавучий дом, расположенный на яхте, описывал интерьеры и брал интервью у горничной и повара, рассказывающих о тайных пристрастиях своих хозяев. Снимал репортажи о поездках Грефов на сафари и отдыхе писателей на Гоа. Для меня, выросшей в провинциальном Лесном городке, эти истории показались такими увлекательными, что я в какой-то момент от души пожалела, что не познакомилась с отцом раньше.

Утро застало меня за решением проблемы Кекса. Кота следовало пристроить на время моего отсутствия так, чтобы животное не лишилось от горя рассудка и голоса, заодно не сведя с ума добрую душу, откликнувшуюся на мою нижайшую просьбу за ним присмотреть.

Соседка тетя Нина подходила на роль кошачьей кормилицы как нельзя лучше, и, сунув Кекса в переноску, я прихватила миски и пакет с едой и отправилась в квартиру напротив бить челом. Отзывчивая старушка не отказала, согласившись приютить усатого страдальца. Провожаемая полными упрека кошачьими глазами, я двинулась в редакцию газеты «Городок», в которой работаю, и написала заявление об отпуске за свой счет.

– Жень, что случилось? – пристально взглянула на меня Людмила Викторовна, прочитав положенную перед ней бумагу.

– У меня скончался отец.

Я склонила голову и искоса посмотрела на начальницу.

– Андрей? – оторопела та.

Она говорила об отчине. Андрей возглавляет полицию Лесного городка, и весть о его смерти, несомненно, стала бы достоянием общественности в считанные минуты, и уж тем более не обошла бы стороной главного редактора центральной городской газеты.

– Скончался мой родной отец, – пояснила я. – Он жил в Петербурге.

Лицо главы «Городка» выразило невероятное облегчение.

– Бедная девочка, – жалостливо проговорила начальница, поглаживая меня по руке. – Недавно погибла мама, теперь вот отец...

Мама умерла этой зимой. Эта история до сих пор не дает мне покоя, и говорить об этом я пока не могу, но, обещаю, как только боль утихнет, я обязательно расскажу, как это произошло¹. И вообще, зря Людмила Викторовна со мною так. Жалеть меня нельзя категорически, а то я тоже начинаю себя жалеть. Я отвела глаза, стараясь, чтобы навернувшиеся слезы не вылились наружу.

– Ты хоть его знала?

– Нет, даже не видела. Думаю – может, не ехать?

Но Людмила Викторовна убежденно хлопнула ладонью по столу.

– Ну, нет, Жень! Нужно ехать! Ты, главное, не волнуйся и не торопись. И сразу выясни, как обстоят дела с наследством. А то знаешь, какие все сейчас умные! Так и норовят обмануть! Надо держать ухо востро. Можешь оставаться в Питере, сколько понадобится. И не беспокойся, твой материал сдаст в номер Галина. По-быстренькому введи ее в курс дела и можешь идти.

До обеда я передавала Галке недописанные статьи, затем вернулась домой, перекусила, побросала в сумку самое необходимое и выдвинулась в сторону Москвы.

Поезд «Красная стрела» отправлялся с Ленинградского вокзала без пяти двенадцать ночи, но я приехала на Комсомольскую площадь за сорок минут до отхода поезда. Запарковалась на платной стоянке и пошла бродить по площади Трех вокзалов. Я высматривала работающие книжные магазины. Хотелось купить в дорогу почитать что-нибудь из Грефов, чтобы понять, про кого писал отец. Заметив вывеску «Книги», я устремила к расцветочной яркими обложками витрине неподалеку от «Макдоналдса». Пересекла площадь, потянула на себя дверь и, звякнув колокольчиком над входом, оказалась в небольшом помещении кругло-суточного магазина, от пола до потолка забитого всевозможной печатной продукцией. Огляделась по сторонам и принялась изучать выставленный на прилавке товар. Розовые обложки с томными красотками привлекали внимание к любовным романам, гоблины и тролли украшали издания в жанре фэнтези, но большая часть прилавка была отведена под интригующе оформленные детективы. Рядом со мной негромко переговаривались парень и девушка, так же, как и я, выбирающие, что бы почитать в дороге.

– Что тут думать, Грефов надо брать, – настойчиво убеждал парень.

– Да я в принципе не против, – соглашалась девушка. – Мне тоже нравятся их книги.

Молодые люди выбрали несколько новинок, и продавщица повернулась ко мне.

– Дайте, пожалуйста, и мне Грефов, – попросила я.

Женщина сделала широкий жест в сторону правой части прилавка, плотно заложеной книгами близнецов, и радушно предложила:

– Выбирайте.

– А вы что посоветуете?

¹ Подробнее читайте в романе Марии Спасской «Роковой оберег Марины Цветаевой».

– Любую книгу берите, не пожалеете, – уверенно заявила сотрудница магазина. – Лично мне очень нравится «Зимний сон Ульяны».

– Вот ее и давайте, – решила я.

Обзаведясь книгой, я вышла на воздух и отправилась на вокзал. Минут через пять выслушала объявление о прибытии фирменного поезда «Красная стрела» на первый путь и неторопливо двинулась на посадку.

* * *

Продавщица не обманула, книга действительно оказалась хорошей. Поезд замедлил ход, приближаясь к Московскому вокзалу, и постепенно остановился. Возникший неизвестно откуда молодой проводник в синем кителе деликатно кашлянул и проговорил:

– Девушка, приехали.

– Простите, что? – вскинула я глаза, с трудом отрываясь от увлекательной развязки.

– Я говорю, приехали.

Он взглянул на книжку в моей руке и расплылся в понимающей улыбке:

– А! Ну, ясно! Я тоже люблю детективы Грефов. Затягивает, правда?

Еще бы не затягивало! Я и не заметила, как прочитала почти все, страшно жалея, что не сразу принялась за книгу, а половину ночи проспала. Быстренько заглянула на последнюю страницу, выясняя финал, ибо уйти, не узнав, в чем там дело, было выше моих сил. Поднялась с кресла и покинула опустевший вагон. Петербург меня встретил весенней сыростью. Хотя май в этом году выдался на редкость теплым, почти летним, ночные заморозки никто не отменял. Клочья тумана, похожие на молочный кисель, лежали на домах и деревьях, делая незнакомый мне город загадочным и смутным, как карандашный набросок импрессиониста. Ежась от утренней прохлады, я подняла воротник куртки, поправила на плече ремень дорожной сумки и направилась к стоянке такси. Скучающий водитель выбрался из-за руля, доброжелательно распахнул дверцу и помог мне усесться в салон недорогой иномарки.

– Куда едем? – жизнерадостно осведомился он.

– Улица Луталова, – откликнулась я. И уточнила: – Знаете?

– Само собой, – кивнул оптимистичный таксист. – От силы минут пятнадцать в пути, если не встанем в пробку.

Я взглянула на часы и подумала, что время до похорон у меня еще есть. Сейчас приеду, познакомлюсь с соседом Викентием Сириным, попью с ним чаю, брошу вещи в комнате отца, приму душ и отправлюсь на кладбище. Пока мы ехали, мне вдруг стало тоскливо оттого, что с отцом я встречусь только на его похоронах, и мы так и не пообщаемся с ним. Я никогда не узнаю, как отец смеется, какие любит фильмы, какую предпочитает слушать музыку, что делает в свободное время и смотрит ли футбол. И как от него пахнет, я тоже не узнаю. На кладбище будет уже не он, а бездушная оболочка, лишь по недоразумению все еще называемая Максимом Мерцаловым. Не отрываясь, я смотрела в окно, а мимо проносились широкие проспекты, одетые в гранит каналы и выгнувшиеся дугой мосты, фасады роскошных домов и люди, торопливо спешащие по своим делам. Я разглядывала незнакомый город и думала, что вот по этим самым улицам ходил мой отец, который никогда мной не интересовался. Не любил, не знал и не помнил обо мне. Впрочем, так же, как и я ничего о нем, по большому счету, не знаю. И по иронии судьбы я в первый раз увижу его в гробу. В первый и в последний раз. Как-то странно. Странно и нелепо. А мне его всегда так не хватало! В детстве я часто фантазировала, что в один прекрасный день у дверей нашего дома будет стоять мужчина с хромированным мотоциклом. На голове его будет красный шлем, и лица не разобрать. Я буду проходить мимо, а он меня окликнет и скажет: «Женька, привет! Я твой отец. Этот мотоцикл я купил специально для тебя. Хочешь со мной жить?» Не раздумывая ни секунды, я соглашалась, садилась

позади отца на скрипучее сиденье, пахнущее новой кожей, обнимала его за мощные плечи, и мы уносились вдаль. После таких фантазий я подолгу испытывала чувство вины перед мамой, но ничего не могла с собой поделать и снова и снова прокручивала в голове кадры скорой встречи с отцом. Но в то же время неизменно повторяющийся сценарий придавал мне сил. Когда Марьяна принималась на меня кричать из-за очередного пустяка, я злорадно думала: «Ничего, ничего, вот скоро уеду от тебя, буду жить с папой, а ты так и будешь злиться и орать!» Но он все не приезжал, и я вспоминала о человеке в шлеме, стоящем с мотоциклом у дверей нашего дома, все реже и реже, пока и вовсе не перестала о нем думать. Дорога теперь вилась по старым питерским улочкам, мимо облупленных невысоких домов с облетевшей штукатуркой. Машина сбавила ход, свернула за угол улицы Бармалеева, немного проехала по Луталова и затормозила у забора.

– Доставил, как заказывали, – оповестил меня шофер, блеснув черными глазами.

Расплатившись, я вышла из машины и остановилась рядом с калиткой, рассматривая высящийся за забором двухэтажный дом дореволюционной постройки. Правое крыло занимала медицинская клиника «Med Union», и эта часть дома выглядела просто замечательно. Она носила следы недавнего ремонта и имела отдельный вход под кованым козырьком и с мраморными ступеньками. Оставшаяся часть дома была в потрескавшейся штукатурке, и два других парадных смотрелись куда менее презентабельно, хотя тот подъезд, что был с краю, казался посвежее. Сверившись с записанным на сахарной картонке адресом, я вошла в затрапезную дверь, находившуюся в середине дома. В парадном пахло кошками и мокрой ветошью, хотя и прослеживались следы былой роскоши. Щербатая мозаика на полу и отбитая лепнина, вившаяся на высоченном потолке, не оставляли сомнений в благородном происхождении постройки. Под лестницей располагалась низенькая дверка, обитая дерматином и запертая на висячий замок. Единственная квартира на первом этаже была заложена кирпичом. Миновав кирпичную кладку, по широкой лестнице я поднялась на второй этаж. Повидавшие тысячи ног гранитные ступени были протерты до глубоких ям, литые перила, покрытые патиной, венчали отполированные тысячами рук дубовые поручни. На втором этаже предо мной открылась просторная лестничная площадка с высокими полукруглыми окнами, темными от уличной грязи, сквозь которые с трудом проникал дневной свет. И в тусклых лучах утреннего солнца с особой отчетливостью проступала ободранная на стенах парадного синяя краска. Квартира отца находилась слева, и я, приблизившись к высоченной двустворчатой двери, обитой стеганой клеенкой, нажала на звонок, под которым белел коротенький список из двух фамилий жильцов. Сирина В.П. нужно было звонить один раз, а Мерцалову М.Л. полагалось звонить дважды. Я нажала на звонок и стала ждать. Но сколько я ни давила пальцем на выпуклую кнопку на дверном косяке, все было напрасно. Прерываясь, чтобы прислушаться к тишине за дверью, я звонила снова и снова. Через десять минут безуспешных попыток попасть в квартиру я перешла к ударам кулаком в дверь, страшно жалея, что не попросила у Викентия номер его мобильного. Стучала я до тех пор, пока дверь соседней квартиры не приоткрылась и из нее не выглянула молодая дама без возраста. Ее дверь была не чета отцовской. Богатая, добротная, на века сработанная умелыми итальянскими мастерами. И обитательница квартиры была ей под стать. Высокая румяная блондинка со следами умелой пластики на лице стояла передо мной в кроссовках, спортивном топики и ярких трикотажных брючках, обтягивающих полноватую фигуру. На плечах алело перекинутое через шею фирменное полотенце, какие выдают в элитных тренажерных залах. В приоткрытую дверь я краем глаза успела заметить белоснежный коридор и угол гостиной с велотренажером.

– Что за шум? – Женщина энергично отдувалась, вытирая полотенцем вспотевшее лицо, и у меня не осталось сомнений в том, что она только что крутила педали.

– Простите, не скажете, Викентий Сирин дома? – осведомилась я.

– Этот ненормальный? – презрительно дернула щекой отцовская соседка. – Понятия не имею. Но думаю, что дома. Он совсем не выходит на улицу. Во всяком случае, я его не вижу.

– А почему же он не открывает?

– Ну, не знаю... Может, он в дальней комнате и ничего не слышит.

Соседка повернулась, чтобы уйти, но вдруг ее осенила некая мысль.

– Ты Максику позвони, – посоветовала женщина.

– Он умер.

Я не хотела ее шокировать, но получилось так, как получилось. Лицо блондинки вытянулось, утратив румянец, рот приоткрылся, обнажая превосходные зубы, а на младенчески гладкой коже вокруг глаз появились явственные морщинки. Несколько секунд женщина молчала, болезненно щурясь, а справившись с потрясением, протяжно выдохнула:

– Максик умер? Когда?

– Позавчера. Сегодня в двенадцать хоронят.

– Вот черт! – Блондинка почесала кончик носа алым ноготком указательного пальца. – Как некстати! У меня сегодня переговоры, никак на похороны не успеть! – И с интересом взглянула на меня: – А ты что, родственница Максика?

– Я его дочь.

Меня покорило, как она называет отца, употребляя для этого почти собачью кличку. Но дама, казалось, не чувствовала ни малейшего неудобства.

– Дочь? Надо же, оказывается, у Максика была дочь! Тогда давай знакомиться. Я Ольга.

– Женя.

– Соболезную тебе, Жень. А к Сирину можешь не стучать – он вообще ничего не слышит. Человек на своей волне.

– Я хотела в квартире отца оставить вещи. Как-то неловко с таким баулом ехать на кладбище.

– Можешь зайти, кинуть сумки. Кофейком напою, – предложила Ольга, широко распахивая дверь.

Я перешагнула порог и ответила:

– Спасибо, от кофе не откажусь.

Белоснежный коридор простирался так далеко, что казалось, ему нет предела. Усиливали ощущение бесконечности многочисленные зеркала и стеклянный потолок, светившийся голубой подсветкой. «Как в прозекторской», – подумала я, а вслух сказала:

– Интересно тут у вас.

– Я за этот интерьер кучу бабок отвалила, – не без гордости сообщила Ольга. – Максик обещал помочь довести идею до конца. Теперь ты его наследница, и, я думаю, мы договоримся насчет ремонта подъезда.

– За свой счет? – насторожилась я, понимая, в какую сумму может вылиться творческий замысел Ольги.

– Ну да, – как о чем-то само собой разумеющемся проговорила она, засыпая в кофемашину зерна и включая агрегат. Прибор негромко заурчал, распространяя вокруг пьянящий запах кофе, а Ольга продолжала: – Ну, смотри. В подъезде живут всего три человека. Я, твой отец и Сирин. Кому же делать ремонт, как не нам с тобой?

– А кто живет на первом этаже?

– Никто. Первый этаж занимает медицинская клиника, вход в которую из соседнего парадного, а дверь квартиры с этой стороны они заколотили. Под лестницей находится служебное помещение. Дворничка. Не думаешь же ты, что дворник будет спонсировать ремонт подъезда?

Она внимательно посмотрела на меня и продолжала:

– Придется, Жень, скидываться нам с тобой, на Сирина рассчитывать нечего. Этот товарищ мысленно где-то там, далеко. Я пыталась с ним говорить, но он как будто не слышит. Что еще ждать от таксидермиста.

– Сирин таксидермист? Своего рода создатель скульптур? Необычная профессия.

– Сама случайно узнала, – хмыкнула Ольга. – Как-то подъехала к дому, смотрю – три здоровенных дядьки выгружают из грузовичка стреноженного лося и волокут прямоком в мой подъезд. Я им говорю – куда, мол, мужики, зверя тащите? Вы ничего не попутали? А они: нет, мадам, все правильно, вот у нас и адресок записан. В этом самом парадном живет лучший таксидермист Питера господин Сирин. Викентий Палыч сделает из этой лосиной туши, которую мы подстрелили на охоте, игрушечку для нашего головного офиса. Так я узнала, почему время от времени так мерзко воняет в моем доме. Пока не знала про бизнес Сирина, все время думала, что у них в квартире кто-то умер...

Кофемашина фыркнула, завершая процесс приготовления американо, и Ольга разлила напиток по чашкам. Протягивая одну из них мне, она закусила губу и покачала головой. Глаза ее подернулись слезами, а подбородок задрожал.

– Эх, Максик, Максик! – с болью в голосе произнесла она. – Как же так? Жить бы да жить! И что с ним случилось?

– Сирин сказал, что-то с сердцем, – отпивая кофе, сообщила я.

– А на вид такой крепкий мужик был. – Женщина, не отдавая себе отчета, принялась обкусывать идеальный маникюр. Уголок ее рта задергался, слезинка выскользнула и покати-лась по щеке. Ольга шумно втянула носом воздух, часто заморгала и подняла к потолку глаза, стараясь не поддаваться нахлынувшим эмоциям.

Я медленно пила кофе, ожидая, когда она придет в себя. Но соседка только всхлипывала и хлюпала носом.

– Ладно, пойду, – засобиравшись я, вскользь поглядывая на часы и понимая, что Ольгу лучше оставить наедине с собой. – Боюсь опоздать на кладбище.

– Я бы подвезла, но у меня дела, – замялась хозяйка, дрожащими руками собирая со стола чашки и составляя посуду в мощную посудомоечную машину. Пожалуй, слишком мощную для одной. – Еще раз соболезнаю. – Она стянула с шеи полотенце и старательно протерла белоснежную мраморную столешницу. И, жалко улыбнувшись, добавила: – Надеюсь, мы подружимся, соседка.

* * *

На такси я добралась до старого городского кладбища, на котором, как объяснил таксист, уже не хоронят, если только в могилу к родственникам. Отпустив машину, быстрым шагом пошла от ограды по центральной аллее, купив по дороге цветы. Микроавтобусы с надписью «Невский эстет» стояли у второго поворота направо. Довольно внушительная группа людей толпилась у дальнего конца дорожки, и я направилась туда, стараясь определить, кто из солидных мужчин, одетых в траур, Викентий Сирин. Хотя Ольга и намекнула, что таксидермист со странностями, я все-таки отказывалась понимать, отчего он не дождался меня в своей квартире, чтобы вместе поехать на похороны. Больше всех подходил под заданную соседкой характеристику невысокий носатый толстяк с буйной растительностью на голове и пышной окладистой бородой при полном отсутствии усов. Был он в костюме-тройке, сильно обтягивающей его чресла, отчего казалось, что из костюма мужчина давно вырос, а выкинуть жалко. Толстяк переминался с ноги на ногу в стороне от всех, озираясь по сторонам, кусая губы и нервно хрустя пальцами. Неподалеку от него курил молодой человек, похожий на персидского принца, только что покинувшего ночной клуб. Волоокие глаза его были устремлены вдаль, капризный рот озабоченно сжат. Костюм на принце был тоже куцеватый, но не оттого, что парень из него

вырос, а по причине крайней стильности его владельца. Заметив меня, стильный принц отбросил недокуренную сигарету и устремился в мою сторону.

– Вы от какого издания? – деловито осведомился он, ощупывая мое лицо внимательным взглядом.

– Это так важно? – откликнулась я. И уточнила: – Не подскажете, Викентий Сирин здесь?

– Да вот же он, – последовал взмах руки в сторону могилы.

Я проследила за рукой и поняла, что Сириным может оказаться либо бородатый носач в тесном костюме, либо седой человек в очках, уверенно отдающий распоряжения. Пришедшие проводить отца в последний путь держались сплоченной группой, прислушиваясь к его указаниям. По выправке и замашкам было заметно, что этот человек привык командовать, следовательно, Сириным он быть не может. Благодарно кивнув парню, я начала пробираться сквозь толпу к бородатому толстячку. И тут увидела, как тот, к кому я торопилась, кинулся навстречу идущей по асфальтовой дорожке женщине в длинном платье из черного атласа, которую он, должно быть, и поджидал. Темные, на пол-лица очки и повязанный вокруг головы траурный ажурный шарф делали ее особенно хрупкой и незащищенной. Яркие губы алели на бледном лице, длинный льняной локон выбивался из-под кружев и эффектно развевался на ветру. В руках женщина несла две белых лилии. Заметив устремившегося к ней бородача, блондинка резко развернулась и, цокая каблуками по асфальту, двинулась назад.

– Элла! – закричал толстяк. – Эллочка! Подождите!

Но женщина, не оборачиваясь, уходила все дальше и дальше. В какой-то момент она разжала пальцы и уронила цветы на асфальт, и две белоснежных головки на длинных зеленых стеблях остались лежать в грязи, как символ торжества смерти над жизнью.

– Напрасно шеф старается, не быть ему вторым Мерцаловым, – послышался за спиной хриплый смешок. – Элла Греф признавала лишь Максика.

Я и так поняла, что беглянка – Элла Греф, как только толстяк окликнул ее по имени. Но почему вдруг «шеф»? Разве бородатый – не Сирин? Я обернулась и нос к носу столкнулась с персидским принцем. Смуглое лицо выражало с трудом скрываемое удовлетворение, на темных, почти фиолетовых губах играла насмешливая улыбка. Он неторопливо достал из дорогого портсигара шоколадного цвета сигарету, закурил и выпустил в сторону ароматный дым.

– Это ваш шеф?

Отвернувшись от принца, я недоверчиво разглядывала бородатого толстячка, с безнадежной тоской глядящего на удаляющуюся фигурку не пожелавшей с ним общаться блондинки. – Так это не Сирин?

– Караджанов собственной персоной. А Викентий Палыч вон, видишь, в очках. Говорит надгробную речь, – сверкнул маслинами глаз собеседник, затягиваясь сигаретой. И с интересом взглянул на меня. – Не знаешь Тимура Гасановича? Ты не из нашего круга. Тогда кто? Поклонница Максика?

– Я его дочь. – Я уже перестала удивляться тому, что все, с кем мне доводится разговаривать, пренебрежительно называют отца Максиком.

– Вот уж никогда бы не подумал, что у Мерцалова была дочь! – он шумно выдохнул табачный дым. – Надо же, дочь! Скажите, пожалуйста! И как зовут дочь?

– Евгения, – я с достоинством опустила глаза.

– Очень приятно. Илья. – Парень слегка поклонился. И снова недоверчиво взглянул на меня. – Ишь ты, дочь! Дочь Мерцалова!

Случайно или нет, но Илья говорил так громко, что окружающие заинтересованно посмотрели в нашу сторону. А молодая женщина, стоявшая у гроба, вдруг упала на грудь покойного и громко зарыдала, причитая на манер восточных плакальщиц. Не дав ей вволю продемонстрировать свою скорбь, Сирин мигнул окружающим, и скорбящую даму увели к

ближайшей лавочке, где стали отпаивать коньяком, называя Аликой и уговаривая не волноваться и пожалеть себя.

– Пропустите дочь попрощаться! – повысив голос, прокричал мой новый знакомый. И, размахивая рукой с зажатой между пальцами сигаретой, двинулся вперед, прокладывая путь в толпе.

С интересом оглядываясь, люди отходили в стороны, пропуская к могиле. На меня обращивались молодые и не очень, лица, умеренно скорбные, но больше все-таки любопытствующие. Я добралась до дорогого гроба из полированного красного дерева, со сверкающими по бокам декоративными литыми накладками с медными ручками, и на белом шелке внутренней отделки, выложенной головками бордовых роз, увидела лицо того, кто подарил мне жизнь. Отец лежал безмятежный и восковой, с темными запавшими глазницами и острым, устремленным в небо носом, и поверх старательно причесанных кудрей белела длинная полоска с православной молитвой. Строгий костюм, сложенные на груди пергаментные руки, и длинная свеча, пристроенная между перекрещенными ладонями. Я положила на цветочную гору свои гвоздички, постояла рядом с гробом, мысленно обратившись к отцу. Как жаль, пап, что все так получилось. Ты жил без меня, а я без тебя. Мы встретились только сейчас. И то на короткий миг. Как глупо и обидно! И больно где-то там, глубоко внутри. Я и не знала, что может быть так тяжело из-за смерти совсем незнакомого человека. К горлу подступил ком, из глаз потекли слезы. Не хватало мне так же, как Алике, упасть покойнику на грудь! Сочтя прощание законченным, я приложила к полоске с молитвой на холодном лбу покойника и, осенив себя крестным знамением, отошла в сторону. Несколько человек последовали моему примеру, остальные стояли и смотрели на глубокую яму, рядом с которой терпеливо курили двое рабочих с лопатами. Выждав для приличия несколько минут и не увидев больше желающих проститься с умершим, рабочие заколотили крышку и торжественно и неторопливо опустили гроб в могилу. Кто-то подтолкнул меня к отвесному краю и зашептал:

– Родственники бросают первый ком земли!

С трудом сохранив равновесие, я вскарабкалась на свежий холм, наклонилась и, взяв из кучи комок суглинка, бросила в могилу. Раздался гулкий стук о крышку гроба, и Сирин сразу же вслед за мной тоже бросил в могилу еще одну горсть слипшейся земли. И все остальные стали взбираться на свежую насыпь, брать пригоршни глины и бросать их в могилу. Рабочие дали возможность провожающим покончить с печальным ритуалом и проворно закидали гроб землей. Я стала выбираться из толпы и тут услышала голос за спиной:

– Женечка, позвольте вас на пару слов.

Это говорил Караджанов. Крохотный и круглый, он подхватил меня под руку и увлек за собой к той самой скамейке, где приходила в себя впечатлительная Алика.

– Меня зовут Тимур Гасанович, я начальник вашего отца, – доброжелательно представился он, шлепая большими губами, под которыми, как пучок сухих водорослей, произрастала пегая борода. – Максик вас часто вспоминал. Горько сожалел, что не видел много лет.

Я покраснела, вспомнив, как только что стояла у могилы отца, мало что чувствуя и не особенно скорбя. Может, конечно, и скорбя, но не так, как положено дочери. А папа, оказывается, меня не забывал. Вспоминал. Сожалел. Рассказывал, вон, обо мне начальству.

– Женечка, после кладбища мы едем в ресторан, – жужжал, как шмель, Караджанов. – Не откажите в любезности помянуть с коллегами и друзьями Максима Леонидовича.

– Само собой, я помяну с вами папу, – подхватила я, радуясь, что хоть кто-то назвал отца по отчеству.

– Ну, вот и славно, – дружелюбно улыбнулся папин шеф, поднимаясь с лавочки. – Не стесняйтесь, подходите к редакционным автобусам, скоро поедem.

Он ушел, и я осталась сидеть рядом с Аликой. Я покосилась в ее сторону. Загадочная дама. И, судя по всему, не чужая отцу. Подруга, поившая ее коньяком, направилась к автобусу

следом за шефом, а мы все сидели и сидели, глядя на удаляющиеся спины пришедших на похороны людей.

– Максика убили, – вдруг тихо сказала Алика.

Она была красивая и грустная. Яркая брюнетка с маленькой аккуратной головкой, похожая на гюрзу.

– Простите, что? – переспросила я, очнувшись от своих мыслей.

– Я уверена, что Максика убили, – повторила она и пристально посмотрела на меня раскосыми карими глазами. Мне сделалось смешно. Ну конечно! Убили! Девушка начиталась детективов, и теперь ей мерещится невесть что. Я недоверчиво усмехнулась, а Алика продолжала:

– Зря смеешься. Это я нашла его тело. Он лежал в комнате на диване, совершенно мертвый. А за пару часов до этого Караджанов пил водку с Максимом у себя в кабинете, а потом отправил с шофером домой. Караджанов и Максик ругались, и вся редакция слышала, как Тимур Гасанович угрожал Мерцалову.

Она провела по гладко зачесанным волосам рукой, точно проверяя, не выбилась ли случайная прядка, окинула меня подозрительным взглядом и неожиданно спросила:

– Ты чего приехала? На наследство рассчитываешь?

– Как дочь, я имею право... – начала было я.

– Так вот, я хочу, чтобы ты знала, – оборвала меня Алика, – я беременна от Максика и тоже имею право на его собственность. Максик составил завещание в мою пользу. Но я человек совестливый и не могу обделить дочь любимого человека. Хочу предложить разумный компромисс – тебе остается комната, а я забираю дачу.

– Правильно, Алика Николаевна! Берите дачу! Дача хорошая, я там бывал, – раздался за нашими спинами насмешливый голос.

Мы с Аликой почти одновременно обернулись и увидели персидского принца Илью.

– Вечно ты, Калиберда, подкрадываешься, как кошка! – скривила красивое лицо моя собеседница. – Ты что, подслушивал?

– Зачем подслушивал? Просто ждал, пока вы обсудите животрепещущие наследственные проблемы, – Илья по-мальчишески улыбнулся пухлыми губами, в которых была зажата неизменная сигарета. И, став серьезным, проговорил: – Ладно, дамы, хватит болтать! Пойдемте быстрее, уезжаем! Все уже в автобусе, только вас и ждем!

Поднявшись со скамейки, мы двинулись по асфальтированной дорожке к воротам кладбища. Поравнявшись с лилиями, Алика наступила на бутон одной из них изящной туфлей на высокой шпильке и, растоптав второй цветок, надменно проследовала дальше.

* * *

Ветер усиливался, сгоняя похожие на белых коней тучи в табуны. Небо потемнело, начал накрапывать дождь. С могил доносился горький запах мертвых цветов, принесенных в дар мертвым людям. Мы втроем уходили с кладбища. Впереди шла Алика, сзади следовали мы с Ильей. Парень хотел казаться галантным и делал попытки забрать у меня из рук дамскую сумочку, полагая, что мне ее тяжело нести. Впереди торговцы цветами предлагали те самые мертвые цветы, пахнувшие горько и безнадежно. У кованой ограды гудели моторами два микроавтобуса с логотипом редакции, забитые до отказа народом. Рядом с автобусами виднелся новенький «Мерседес» с водителем. Облокотившись на распахнутую пассажирскую дверцу, стоял Караджанов.

– Женя, идите сюда! – закричал он, призывно махая рукой.

Илья с заметным сожалением вернул мне сумку и полез в переполненный автобус следом за Аликой. А я двинулась на зов Караджанова. Усевшись на заднее сиденье автомобиля редактора, я почувствовала, как машина мягко тронулась, и, посмотрев в окно, увидела, что

Сирин садится в такси. Скрипнув тормозами, авто с Викентием развернулось и поехало в противоположную от нас сторону.

Интересная получается картина. Речи надгробные для папиных коллег Сирин говорил, а поминать отца за одним с ними столом не желает!

– А что, Викентий Палыч не едет в ресторан? – как бы между делом осведомилась я.

– С него станется, – отозвался главный редактор «Невского эстета», с комфортом расположившийся на переднем сиденье рядом с молчаливым водителем. И уточнил, заметив в зеркало заднего вида мой недоумевающий взгляд: – Викентий Палыч большой оригинал. Целиком и полностью оплатил из своего кармана похороны Максика, хотя я предлагал поучаствовать деньгами. Сирин заказал ресторан и не пошел на поминки. Впрочем, это вполне в его духе. Он человек особенный.

Личность папиного соседа интриговала меня все больше и больше, и я не могла удержаться, чтобы не спросить:

– И в чем же его особенность?

Караджанов почесал мизинцем кустистую бровь.

– Ну, Женечка, что вам сказать? – протянул он. – Я и сам знаю немного. В прошлом Сирин блестящий хирург, по-моему, закончил военно-медицинскую академию у нас тут, в Питере. Во время первой чеченской кампании работал в Моздокском госпитале. Оперировал раненых в полевых условиях. Я как-то заглянул к Максиму, мы сидели на кухне, и к нам присоединился Викентий. Дружили они, что ли? Не поймешь. Вроде такие разные. – Караджанов с недоумением пожал плечами. – А может, и дружили. И за столом Сирин рассказывал страшные вещи. Говорил, что часто вспоминает широкое поле, бескрайнее месиво чернозема где-то под Старыми Атагами. Говорил, что как закроешь глаза, ему так и видится, как в этой хляби чуть ли не по ось засела автоперевозочная. А по бокам к ней прилепились противошочковые палатки. Неподалеку, в расползающейся грязи, каким-то чудом садится «вертушка», доставившая очередную партию раненых. На уцелевшем мукомольном заводе расположился медицинский отряд специального назначения, где он с коллегами проводит операции. Честное слово, Жень, меня, взрослого мужчину, мороз продирает по коже, когда он рассказывал про глубокие впадины вместо лица с дрожащими глазными яблоками, про повреждения сосудов шеи, когда голова держится неизвестно на чем, про ранение трахеи – едва заметную дырочку в горле, края которой бьются при вдохе и выдохе. И про вывернутые наизнанку кишки, которые приносили в отдельной тряпке вместе с раненым солдатом. Я только слушал, и то мне было страшно! А Сирин все это видел. Да что там видел! Пропустил через себя! За сутки у него на столе бывало до семидесяти раненых! Может ли человек после такого оставаться адекватным?

Я неопределенно дернула плечом. Караджанов увидел мой жест в зеркало и подхватил:

– Вот и я говорю. Так что, Женечка, атмосфера в квартире вашего отца, мягко говоря, нездоровая. Прямо – жуткое местечко. От этого Сирина так и веет смертью.

Тимур Гасанович попросил водителя поддать газку и замолчал, глядя на дорогу, серой лентой летящую под колеса авто. Затем сухо проговорил:

– Мне кажется, ваш отец, Женя, умер не своей смертью. У Сирина были все шансы убить его так, чтобы комар носа не подточил. Ведь он врач, хирург! Думаю, он имеет далеко идущие планы присоединить себе освободившуюся комнату и сделает все, чтобы вы от нее отказались. И вот что я вам скажу. Если Викентий будет предлагать вам выкупить комнату отца, не раздумывая, соглашайтесь. А то, боюсь, вас ждет та же участь, что и Максика.

Я покосилась на Караджанова. Полная чушь! Сирина никто не заставлял извещать меня о смерти родителя. Если он планирует завладеть всей квартирой, в его интересах помалкивать. Однако Викентий Палыч для чего-то позвонил и уведомил меня о дате похорон, и это самое надежное его алиби. Но, с другой стороны, сосед, возможно, опасается Алики. Может, Сирин по каким-то своим причинам счел, что ему будет выгоднее, если я унаследую освободившуюся

комнату, оттого и вызвал меня в Питер? В любом случае ситуация становится интересной. Алика считает, что к смерти отца приложил руку Караджанов, Тимур же Гасанович кивает на Сирина.

– Если имеются сомнения в естественных причинах смерти папы, то почему не делали вскрытия? – вслух удивилась я.

– Жара, май месяц. – Караджанов задрал подбородок и почесал поросший бородой кадык. – Да никто и не настаивал на вскрытии, – добавил он. – Как известно, для этой процедуры требуется заявление родственников, а вы, Женя, честно говоря, примчались с корабля на бал, когда уже могилу закапывали.

В голосе его прозвучало осуждение, и я с трудом подавила досаду, готовую вот-вот вырваться наружу. Кого я спрашиваю? Караджанова, которого подозревают в убийстве свои же сотрудники? А вдруг он действительно убийца? Так. Стоп. Не хватало затеять расследование! Зачем мне все это? Отца я не знала, а уж людей, которые его окружали, и подавно. Наследство? Жила же я все эти годы без дачи и комнаты в питерской коммуналке, и неплохо жила! Может, имеет смысл оставить все, как есть, и вернуться домой? Но вместо того, чтобы попросить оставить машину, я не без сарказма спросила:

– А что же Алика Николаевна не написала заявления? Она же считает себя гражданской женой отца и даже сообщила, что носит под сердцем папиного ребенка!

– Да что вы? – удивился шеф редакции. – В самом деле? Алика Боярская беременна от Мерцалова? Я ничего об этом не знаю. Мне казалось, что Алика встречается с Илюшей. То-то я думаю, с чего это она вдруг так по Максику убивается? Надо же, гражданская жена. Чудны дела твои, господи!

Он помолчал и, обернувшись, кинул на меня игривый взгляд и растянул в улыбке широкие губы.

– Простите, Женечка, мое любопытство. А вы в какой сфере трудитесь?

– Я тоже журналист, – откликнулась я.

– Не может быть! – еще шире заулыбался Караджанов. – И в каком же издании?

– Я пишу для центральной газеты подмосковного города, в котором живу, – пустилась я в объяснения. – Так, ничего особенного. В основном освещаю события культуры.

– Так, значит, мы с вами коллеги! – так и искрился радостью отцовский начальник. – Ну что же! Ваш папа был превосходным обозревателем литературных новинок. Если захотите сменить область творчества, всегда милости просим!

* * *

Машина затормозила у дверей восточного ресторана, переливающегося затейливыми огнями. На сверкающей вывеске арабской вязью тянулось трудно читаемое название. Тимур Гасанович выбрался из салона первым, распахнув заднюю дверцу, галантно предложил мне руку. Несмотря на дождь, перед входом в ресторан толпились добравшиеся раньше нас сотрудники редакции, ожидая разрешения Караджанова заходить внутрь. Шеф вальяжно проследовал в заведение, и только после этого следом двинулись остальные гости. За маленькой прихожей с гардеробом просматривался просторный зал, разделенный на зоны невысокими перегородками по принципу купе. Для поминок отвели дальнюю часть зала, где перегородок не было, а возвышался буквой «п» длинный стол, заставленный бутылками со спиртным, разнокалиберными бокалами, тарелками под закуски и приборами. Караджанов уселся в верхней, короткой части литеры, усадив меня, на правах близкой родственницы покойного, по правую руку от себя. Слева от начальства расположился невзрачный человечек с проплешиной, о котором Илья, пристроившийся с другого моего бока, шепотом сообщил, что это финансовый директор. Меня позабавило, что парень откровенно заигрывает со мной, нимало не смущаясь

прискорбными обстоятельствами нашего знакомства. Алика села с другой стороны стола, всем своим видом показывая, что до меня и Ильи ей нет никакого дела. Надо же, а Караджанов говорил, что они встречаются!

В ресторане народ начал отходить после утомительного похоронного процесса. Послышались смешки и громкие возгласы, звон бутылок о бокалы и краткие тосты «хороший был мужик, пусть земля ему пухом»... Нерасторопная официантка с достоинством королевы обносила гостей закусками, расставляя перед каждым его порцию. Я с тревогой смотрела, как Караджанов опрокидывает стопку за стопкой, подливая водку себе и финансисту из стоящей напротив них бутылки. Я сразу дала понять, что в спринтерском забеге без закуски участвовать не буду, и Тимур Гасанович потерял ко мне интерес, отвернувшись в противоположную сторону. Разносчица успела обойти половину гостей, когда Караджанов вдруг хватил кулаком по столу и на весь зал гаркнул:

– По какому праву?

Финансовый директор вжал голову в плечи и принялся его увещевать:

– Тише, Тимур Гасанович!

– Что тише? Что тише? – проревел шеф редакции. – Я спрашиваю, по какому праву Мерцалов узурпировал общение с Грефами? Я, может, тоже хочу регулярно брать у них интервью! А дорогой покойничек настроил Грефов против нас, и Элла бросилась от меня бегом, как только увидела на кладбище!

Главный редактор рывком развернулся ко мне и глянул в лицо мутными пьяными глазами.

– Теперь, вот, доченька Максимкина примчалась! – ернически сообщил он на весь ресторан. Из-за одной из перегородок в середине зала показалось любопытное щекастое лицо с тонкой ниточкой усов и, одобрительно крякнув, скрылось обратно. – Тоже, между прочим, журналист! – гремел Караджанов. – Грефы небось надеются, что теперь она будет в «Невском эстете» статейки о них писать! Вот уж дудки, пусть не рассчитывают! Я не возьму эту провинциальную девицу даже полы у нас мыть! Пусть сидит в своей заштатной газетенке и не высовывается! Не хватало мне еще одну змею на груди пригреть!

Новый удар кулака по столу подкрепил его слова. Толстые губы в бороде вытянулись в трубочку, выплевывая злобные ругательства и напоминая осьминожий клюв в обрамлении щупалец.

– Мы всей редакцией ломаем головы, что за гаденыш наката на меня донос в прокуратуру! А тут и думать нечего! Судя по наглым Максимкиным глазам, это он, паскуда, меня вложил! Я его к стенке неопровержимыми доказательствами прижал, а он лишь смотрел и ухмылялся! И у доченьки его такие же подоночные глазенки! Ишь, сидит, как ни в чем не бывало!

Нападение было так беспричинно и внезапно, что я с трудом сдержалась, чтобы не закашляться вставшим поперек горла яблоком. До конца не веря в то, что на самом деле слышала только что отповедь из уст приветливого Караджанова, я поднялась и стала пробираться к выходу.

– Иди, иди! – кричал мне вдогонку Тимур Гасанович, размахивая пустой стопкой. – Плакать не будем! Помер Максим – и хрен с ним! Дышать легче стало! Без него воздух чище!

До дверей оставалось совсем немного, и я сделала рывок, чтобы покинуть зал как можно скорее. И с этими людьми мой папа бок о бок прожил жизнь? Да я бы ни минуты не осталась в редакции, будь у меня такой руководитель! Выскочив из ресторана, я подняла руку, голосуя, и сразу же рядом со мной притормозила машина. В голове билась заносчивая мысль: «Хотела уехать, а теперь вот из принципа не уеду! Буду, назло вам всем, мозолить глаза. И, дайте срок, выясню, отчего умер Максим Леонидович Мерцалов!» За спиной хлопнула дверь, и в зеркальном стекле витрины отразился выбежавший из ресторана Илья. Запыхавшись, подбежал и схватил меня за руку, не давая сесть в машину.

– Женя, подожди! – Лиловые губы его виновато улыбались. – Ну что ты, в самом деле? Обиделась на шефа?

– Ни на кого я не обиделась! – с силой рванулась я. – Мне нужно ехать.

– Хочешь, провожу?

– Спасибо, не стоит.

Я сделала еще одну попытку сесть в машину, но парень решительно захлопнул дверцу авто и проговорил, глядя вслед удаляющемуся такси:

– Ну что ты, Жень, завелась с полоборота? Тебе нужно успокоиться. Пойдем, посидим в одном приятном кабаке, пропустим по стаканчику. Если хочешь, я поясню в общих чертах, за что шеф на тебя взелся.

В ушах все еще стоял пьяный голос Караджанова: «И у его доченьки такие же подоночные глазенки!», и докопаться до истоков лютой ненависти Тимура Гасановича было, конечно же, интересно. Поэтому я позволила взять себя под руку и двинулась с Ильей. Дождь перестал, и город осветило солнце. Мы шли по центру Питера, а навстречу нам двигались веселые беспечные люди, громко смеющиеся и выглядящие абсолютно счастливыми, чего нельзя было сказать обо мне. Ощущение гадливости не отпускало. Казалось, меня вымазали смолой и вывалили в перьях, и теперь все прохожие смотрят на меня и смеются над глупой неудачницей, неизвестно зачем приехавшей в их город.

– Понимаешь, Жень, Караджанов помешан на Элле Греф, – попыхивая неизменной сигаретой, просвещал меня Илья. – Она для него недостижимая богиня. Звезда. Объект поклонения. Фетиш. Не поверишь, Гасаных стянул у нее перчатку и хранит в специальной коробке. Правда-правда, я сам видел! Шеф бросил свою старуху, и мы все ждем, когда он посватается к Элле. Но Грефиха так искусно избегает общения с окружающими, что Караджанову остается только кусать локти и злиться на Максика. Твой отец каким-то чудом втерся к Грефам в доверие и оборонял свои позиции до последних дней жизни. Интересно, каким образом ему удавалось это делать?

Щелчком отшвырнув докуренную до фильтра сигарету в клумбу с ирисами, он выдержал театральную паузу, ожидая ответной реплики, но, так и не дождавшись, буднично закончил:

– Вот Караджанов и бесится, ибо не знает, как поведут себя Грефы теперь, когда Максика не стало. Так что ты, Жень, тут ни при чем. Ничего личного. Просто ревность старика к молодой сопернице, способной перейти ему дорогу.

Возможно, что дело обстоит именно так. Но почему вдруг змея, пригретая на груди?

– О каком доносе говорил Караджанов?

– Не обращай внимания, – беспечно откликнулся Калиберда. – Максик тут ни при чем. На шефа кто-то из наших настроил заявление в прокуратуру, и Караджанов исходит ядом, подозревая всех подряд. А Максик попал под раздачу.

Пока мы шли, Илья ненавязчиво взял меня за руку и время от времени прижимался несколько сильнее, чем мне бы хотелось. Небрежная манера, с которой парень себя вел, выдавала в Калиберде завязанного ловеласа. Подобные типы не вызывают у меня ничего, кроме раздражения. Отстранившись, я вынула руку из его ладони и суровым взглядом пресекла попытку снова завладеть моей рукой.

– Почему ты называешь моего отца Максик? – сухо спросила я, спускаясь по ступенькам в бар «Пикадилли», к которому свернул мой спутник.

Илья придержал дверь, пропуская меня в полуподвальчик, и, проследовав за мной, кивнул на пустующий столик подальше от барной стойки. Я уселась лицом к залу, чтобы видеть дверь, мой кавалер занял место рядом.

– Не люблю сидеть спиной к двери, – пояснил он, пристраивая руку на спинку моего стула.

Смерив парня холодным взглядом, я устало выдохнула:

– Меньше всего я намерена на похоронах отца заводить роман. Убери руку.

– Жаль. – В голосе Калиберды мелькнула легкая грустинка. – У нас могло неплохо получиться. Но дружить-то мы можем?

Уморительно поднятые брови и глаза, как у кота из «Шрека».

– Дружить можем, – не сдержала улыбки я.

В заведении играла негромкая музыка и беззвучно сновали от столика к столику вышколенные официанты с подносами в руках.

– Ты спросила, почему Максик?

Илья неторопливо выложил на стол смартфон, портсигар и бензиновую зажигалку, небрежно дернув плечом.

– А как его еще называть? Он мужик активный... Был активный. Общался со всем Питером. И в каждом кабаке, каждой бильярдной и сауне у него имелись друзья.

Мне стало обидно за папу.

– Можно подумать, отец только и делал, что мотался по саунам, – насупилась я. – Между прочим, он еще готовил репортажи.

Илья взял зажигалку и принялся крутить металлический прямоугольник в длинных тонких пальцах.

– Ты зря дуешься, Жень. Твой отец был...

Он замолчал, подбирая слова.

– Такой непосредственный. Веселый. Легкий. Не только я, весь Питер звал его Максик, и никто из тех, с кем он общался, не принимал твоего отца всерьез. Не понимаю, как Грефы доверились такому легкомысленному человеку! Натреплетса вечно, наобещает золотые горы и ничего не сделает. Носится по городу, хлопочет, и все впустую.

Глядя, как напряглось у меня лицо, Илья поспешно добавил:

– Но ты не думай, никто на него не обижался. Это же Максик! Он был человек-праздник. Фейерверк. С ним не соскучишься.

Илья заказал две «пино колады» и, щелкнув «zipro», закурил, ожидая, когда нам принесут выпить.

– Твой отец увел у меня Алику, – тихо проговорил он, – и то я на него не в претензии. Вот на нее я страшно зол.

– Почему не на отца? – удивилась я.

– Максик – он и есть Максик, – Калиберда криво усмехнулся. – На него не обижаются.

Его слова подтверждали замечание Тимура Гасановича, которое главный редактор сделал в машине относительно отношений между Ильей и Аликой, и я с интересом взглянула на рассказчика, ожидая продолжения. Неслышно приблизившийся к столу официант составил с подноса напитки и, будто скользя по воздуху, удалился.

– Алика обвела твоего отца вокруг пальца, – раздраженно выдохнул Илья, заметив искру любопытства в моих глазах. – Эта сучка заморочила Максику голову. Твой отец написал завещание на имя Алики Николаевны, а через неделю приказал долго жить. И что-то мне подсказывает, Жень, что умер не без Аликиной помощи.

«Три!» – отметила я про себя, имея в виду нового подозреваемого в убийстве моего отца. Первые два: Караджанов и Сирин. И вот теперь для полноты картины в списке потенциальных убийц появилась красивая женщина. Алика Николаевна Боярская. Я пригубила коктейль и стала сквозь бокал рассматривать узор на занавесках, а Илья, вертя в руках зажигалку, продолжал:

– Я мог бы показать тебе дачу отца. Не желаешь завтра съездить за город?

– Даже не знаю... – засомневалась я в целесообразности подобной прогулки, но шевельнувшееся любопытство пересилило сомнения. От любопытства кошка сдохла. А мне вот не хотелось бы.

– Разве не интересно посмотреть, что у тебя Алика Николаевна собирается отсудить? – искушал Илья. – Может, ты сравнишь городскую и загородную недвижимость и решишь, что комната в коммуналке тебе не нужна и лучше требовать дачу.

– Откуда такая забота о моей персоне?

– Завещание можно оспорить, – он с силой затушил окурок в пепельнице, выпуская дым через тонкий нос с породистой горбинкой и залпом опрокидывая в себя коктейль. – Жень, не думай, я помогу. У меня масса знакомых юристов, готовых проконсультировать такую очаровательную девушку, как ты. Да и с Алики не помешало бы сбить спесь.

– Ну что ж, пожалуй, можно и съездить, – согласилась я.

Едва уловимая смена эмоций промелькнула на лице Калиберды. Кошка сдохла, хвост облез. Надеюсь, это не про меня.

– Спасибо за компанию. Пожалуй, пойду. – Я поднялась из-за стола. – Провожать не нужно, я возьму такси.

– О'кей, завтра с утра буду у дома Максика, – парень с хрустом потянулся, откидываясь на спинку стула. И вдруг добавил: – Ты там смотри, Жень, с Сириным поосторожней! Максик говорил, что он товарищ непредсказуемый и не слишком-то жалуется чужаков на своей территории.

И правильно делает, что не жалуется. Я тоже не люблю людей, сующих нос в мои дела. Я махнула рукой, прощаясь, и вышла из бара.

* * *

Вечер опускался на Петербург. Город загорался разноцветными огнями, с каналов веяло прохладой. Легкий ветерок доносил из парков запах цветущей сирени, голоса детей и негромкую музыку. Я ехала на улицу Луталова и гадала, что меня на этот раз ждет в доме отца. Сегодня я много раз слышала, что Сирин – человек со странностями. Но в любом случае предупрежден – значит, вооружен. Хотя Сирин тоже вооружен. Хирург, прошедший горячие точки, несомненно, обладает опытом и знаниями. А еще медикаментами и хирургическими инструментами. Но главное, что у него есть, – так это привычка резать людей. Жестко и бескомпромиссно. Ольга говорила, что Сирин таксидермист. Приятная женщина. Дружелюбная. Надо забрать у нее сумку с вещами. Вскинув глаза на окна, я отметила, что на втором этаже горит свет, и уверенно шагнула в подъезд. Поднявшись по лестнице, приблизилась к Ольгиной квартире и позвонила в звонок. Моя новая знакомая распахнула дверь и улыбнулась смутной улыбкой.

– Привет, Жень. Проходи, – широко махнула она рукой с бокалом, приглашая войти.

Я прошла в белоснежный коридор и, сотню раз отразившись в зеркалах, проследовала за хозяйкой на кухню, откуда доносился запах жареного мяса. На длинном стеклянном столе стояла нетронутая тарелка с едой и практически пустая бутылка вина, и только сейчас я почувствовала, что жутко голодна. Да и не прочь как следует выпить.

– Я только что пришла, – поведала хозяйка. – Вот, ужинаю. Вина налить?

– Можно.

Я шагнула в глубину кухни, словно сошедшей с рекламной картинки глянцевого журнала, и подошла к закрытому шторками окну. Небо опять потемнело и затянуло тучами. Начавшийся дождь набирал силу, барабанил тяжелыми каплями по железному откосу подоконника, стучал по стеклам, отбивая ритм.

– Будешь мясо с овощами?

– Не откажусь, – я слотнула слюну, оборачиваясь.

– А что, поминки отменили? – усмехнулась Ольга, хозяйничая у кухонной стойки. Открыв узкую дверку шкафчика, она достала бутылку грузинского вина и, ловко откупорив, плеснула во второй бокал.

– Я сама не осталась, – не стала вдаваться я в подробности. И, принимая из рук хозяйки свою тарелку с едой, не удержалась и спросила: – Оль, ты давно знаешь отца?

Садиться я не стала, так и осталась стоять, опираясь на подоконник и пристроив на него бокал и тарелку. Ни пылинки, ни соринки, ни цветочка, ничего не было на белой его поверхности. Сделав большой глоток из своего бокала, Ольга села за стол и тихо проговорила, блестя слезами в мгновенно покрасневших глазах:

– Как это ни странно прозвучит, мы любили друг друга. И если бы не внезапная смерть Максика, обязательно бы поженились. – Ковырнула вилкой брокколи, и нож, с силой отброшенный Ольгиной рукой, с металлическим стуком отлетел в конец стола. – Черт! Черт! Черт! – женщина громко всхлипнула. – По-настоящему я любила только твоего отца! Встречались почти каждый день, иногда Максик по несколько дней жил у меня. И все так легко, так непринужденно. Привет, пока. Забежишь сегодня? Само собой, готовь, Оль, ужин! Я до сих пор не могу себе простить, что не сказала ему о своих чувствах. Он, бедный, так и умер, думая, что любит меня без взаимности.

Ольга выронила вилку и, уперев локти в стол, закрыла руками лицо. Это признание прозвучало довольно неожиданно, и я тоже взяла свой бокал и осушила его до дна. Как интересно! Еще одна любимая женщина моего отца!

– Как вы познакомились? – осведомилась я, внезапно теряя аппетит. Пусть я отца не знала, но видеть всех этих дам, бывших от него без ума, мне было все-таки неприятно. Глухая ревность поднималась со дна души и расправляла крылья.

Ольга вытерла тыльной стороной руки бегущие по щекам слезы, налила себе еще вина и, порывисто вздохнув, пустилась в воспоминания.

– Я, Жень, младше твоего отца на пять лет, а в детстве это большая разница. Я так хотела с ним дружить, но он меня в упор не видел. Тем более что Максик не здешний. Он жил с родителями в другом месте. Помню, как он приходил в наш двор к своей бабушке, в квартиру напротив. Максик и соседский Кешка Сирий отлично ладили. Меня мальчишки в свои игры не принимали, говорили, что я мелкая. Потом бабушка умерла, и Максик перебрался в ее комнату.

– А Сирий?

– Сирий? Он в то время уже уехал в Чечню, – отмахнулась моя собеседница. И пренебрежительно продолжила: – Кешка всегда был с приветом. Когда вернулся с войны, его папа с мамой как-то очень быстро перебрались за город. И брат с сестрой куда-то переселились. Думаю, жить с ним стало совсем невозможно. Я уехала в Кембридж, получала образование. Мать мне написала, что Викентий женился и завел ребенка. Сама я не видела, но говорили, что семью свою он боготворил. А потом его супруга поехала на юг вместе с маленьким сыном, и там с мальчишкой что-то случилось. Вроде бы он умер. И у Сирия на почве трагедии окончательно съехала крыша. Он совсем перестал выходить из дома. Во всяком случае, я его вижу крайне редко. И разговаривать с ним стало невозможно. Я по-человечески просила его скинуться и совместными усилиями сделать ремонт лестничной клетки, а Сирий в упор меня не замечает. Идет, как глухой, и делает вид, что не к нему обращаются.

Тема ремонта оказала на Ольгу живительное действие. Глаза ее высохли и загорелись праведным гневом, щеки налились румянцем, в голосе зазвучали стальные нотки.

– Тогда я обратилась к твоему отцу, – голос женщины звенел и набирал силу, – но Максик человек творческий, ему не до ремонта. А дом-то ветхий, построен более ста лет назад, и, если его не поддерживать в должном состоянии, он развалится на части. Я расселила нашу коммуналку, денег вложила немерено, а теперь мучаюсь с парадным. Как будто мне одной это надо!

Ольга рывком поднялась с барного табурета.

– Пойдем, Жень, покажу, как должна выглядеть лестница, если в нее вложить немного денег.

Я сунула в рот последний кусок мяса и, жуя на ходу, двинулась за Ольгой. Мы неторопливо шли в противоположный конец квартиры. По правой стене лампочки в нишах подсвечивали современные постеры, перемежающиеся зеркалами, слева располагалась просторная гостиная – с тем самым велотренажером, который я краем глаза углядела утром. За гостиной следовали другие помещения, двери в которые были плотно прикрыты.

– Сколько же здесь комнат? – вырвалось у меня, пока мы брели по бесконечному коридору.

– Тут объединены две квартиры, – самодовольно улыбнулась хозяйка. – Вон там еще одна входная дверь. Я выкупила соседнюю квартиру в третьем подъезде и снесла перегородку. Можно было одну дверь заложить кирпичом, – рассуждала она, – но я подумала, пусть будет.

Ольга остановилась перед белой дверью, практически незаметной на белом фоне стены, и, повозившись с замком, потянула ее на себя. Передо мной оказалась чистенькая лестница, выкрашенные бежевым стены, недавно побеленный потолок. И цветы. Много цветов. Кадки с мясистыми фикусами, горшки с драценами, изящные кашпо с ползущими по окнам вьюнами. Эстампы в коричневых рамках довершали образцовый порядок третьего парадного.

– Вот как живут нормальные люди! – провозгласила Ольга. – Я тоже хочу заходить в красивый подъезд.

– Может, проще заходить в квартиру через эту дверь? А ту заложить?

– Вот еще! – она обиженно фыркнула, надув тонкие губы. – Всю жизнь ходила через свое парадное, а теперь почему-то должна через чужое?

Дверь, грохнувшись, захлопнулась, и мы тронулись в обратный путь. Первой шла Ольга, за ней следовала я.

– Кстати, Жень, – женщина обернулась. – Если надумаешь продавать комнату – сразу ко мне, договорились?

Я не смогла скрыть насмешливого тона.

– Хочешь стать единовластной хозяйкой дома?

– К сожалению, не получится, – серьезно ответила Ольга. – Какие-то умники выкупили весь первый подъезд и сделали там медицинский центр. И правую половину первого этажа в нашем подъезде тоже они выкупили. Только вашу квартиру им присоединить не удастся. Сирин уперся и ни в какую не хочет отсюда уезжать. Твой отец был вроде не против, но не хотел подводить друга. А тебе, Жень, думаю, по барабану, где жить.

– Ну, в принципе, да.

Я шла уже не за хозяйкой, а рядом с ней, и вынуждена была смотреть в ее глаза, неотрывно глядящие в мои.

– А для меня это дело принципа! – Ольга усмехнулась. – Продашь мне комнату, и я переселю тебя в отдельную квартиру. А потом разверну кампанию по выживанию Сирина из этого дома. Поборемся еще с несговорчивой клиникой! Так что помни, Жень, я первая покупательница, если что.

– А что это за клиника? – Я усилием воли заставила себя перевести взгляд на пол, только чтобы она не пожирала меня глазами.

– Понятия не имею, – Ольга озабоченно нахмурилась, и две вертикальные морщины залегли между бровей. – Я пыталась туда пройти, поговорить с руководством насчет общего ремонта дома, но меня на порог не пустили. Охранник заявил, что вход строго по рекомендациям от бывших клиентов и мне не светит туда попасть.

Она обиженно пожевала губами и закончила:

– И это при том, что у меня друзья на самом верху! В городской Думе, прокуратуре и мэрии! Но и они ничего не смогли сделать. В общем, я плюнула, решила ограничиться малым и самой отремонтировать парадное. Разумеется, с твоей, Жень, помощью.

– Спасибо за ужин, – засобиралась я, не в силах больше выслушивать про необходимость ремонта. И хмуро добавила: – Только пока еще рано говорить о продаже комнаты. Она не моя. Вот вступлю в права наследства, тогда видно будет.

Хозяйка проводила меня до дверей и, выпустив на лестничную клетку, старательно заперла свои хоромы на несколько сейфовых замков.

* * *

Санкт-Петербург, 1909 год.

Лиля шла быстрым шагом по Лиговке, точно стремилась убежать от самой себя. Господи, как унижительно и больно! А ведь она знала, что так получится! Говорила Максимилиану Александровичу, что не нужно этого делать! Но Волошин убеждал ее тихим ласковым голосом:

– Нет, Лиля, ты обязательно должна отнести стихи в «Аполлон». Стихи твои замечательные! Они непременно понравятся издателю Маковскому!

Быстрый шаг сбивался на бег, в голове проносился калейдоскоп воспоминаний, снова и снова заставляя ее переживать взлеты и падения этого лета, проведенного в Коктебеле у Волошина. В салонах богемного Петербурга давно уже говорили об оригинальности крымского поэта. Его называли киммерийский маг, ибо дом его на берегу Черного моря располагался в древней Киммерии, как он сам именовал Коктебель. Многие из Лилиного круга любили гостить у Максимилиана Александровича, а вернувшись, рассказывали удивительные вещи. Говорили, что каждый, кто приезжает к нему, должен поклясться, что считает Макса выше Пушкина. Что у него есть право первой ночи с любой гостьей. И что, живя у Волошина в доме, женщины одеваются в «полтижамы»: одна разгуливает по Коктебелю в нижней части на голом теле, другая – в верхней. Говорили, что Максимилиан Александрович молится Зевсу, ибо очень похож на повелителя Олимпа. Лечит наложением рук. Угадывает будущее по звездам. Ходит по воде, аки посуху. И даже приручил дельфина и ежедневно доит его, как корову. Поэт эти домыслы не опровергал, загадочно улыбаясь в пышную бороду, и в ответ на все вопросы лишь согласно кивал головой. Лиля, познакомившаяся с Волошиным на одном из литературных вечеров, смотрела на мэтра полными восторга и ужаса глазами, решив непременно побывать у него в Коктебеле. Компанию в этой поездке ей составил Николай Гумилев, с которым у Лили набирал силу роман. Приехав в Коктебель, они запирались в комнате Гумилева и подолгу работали над «Капитанами». А потом уходили в горы и собирали скорпионов, которых сажали в спичечные коробки. И хотя Лиля все чаще и чаще ловила на себе заинтересованные взгляды хозяина дома, она боялась поверить в то, что может ему нравиться. Вечерами, когда гости Волошина собирались в зале для увлекательных бесед, Лиля подсаживалась к хозяину и не могла наговориться, рассказывая старинные испанские легенды, которые переводила, и открывая Максимилиану Александровичу потаенные уголки души. А утром она поднималась наверх и читала свои стихи в полном тайн кабинете старшего друга, под шум прибоя, врывающийся в распахнутые окна. Читала и верила, что стихи и в самом деле хорошие. Должно быть, на Лилю подействовала близость загадочного хозяина дома, в которого она сразу же безоговорочно влюбилась. И вскоре Гумилев, злясь и обиженно кривя тонкие губы, отправлялся на ловлю скорпионов один, а Лиля бежала наверх, к Волошину. Увлеченные друг другом, они подолгу гуляли у моря и уходили в горы, и говорили, говорили, говорили. Гумилев страшно ревновал и делал ей сцены, но Лиле нравилось мучить, а Николаю страдать. Окружающие с удивлением смотрели, как вокруг скромной учительницы начального класса петер-

бургской гимназии, не отличавшейся ни красотой лица, ни стройностью фигуры, к тому же хромоногой, разгораются поистине шекспировские страсти. Ревнивый Николай ломал Лиле пальцы, требуя клятвы верности, а затем стоял на коленях, целовал подол платья и умолял простить. Так дальше продолжаться не могло. Волошин поставил девушку перед выбором, потребовав определиться, с кем она хочет остаться. Лилия растерялась. Как можно сравнивать невозмутимого Макса, словно возвышающегося над миром, «близкого всем, всему чуждого», с нервным мальчиком Гумми, злым и требовательным в своих капризных желаниях? Николая она тоже любила и очень ждала, что не может быть одновременно с ними обоими. А как было бы славно, если бы великодушные Волошина добавить к романтичности Гуммилева! Но, к сожалению, это невозможно. И Лилия осталась с Максом. Однако ничего не сказала Гуммилеву, а просто попросила его уехать. Николай, неоднократно предлагавший девушке выйти за него замуж, считал ее просьбу глупым капризом, выпустил из спичечных коробков полудохлых скорпионов и тут же уехал из Коктебеля, а Лилия провела свое лучшее лето рядом с избранником. Осенью Лилия вернулась домой, в Петербург, и Макс перебрался следом за ней. И вот тогда-то Волошин настоял на том, чтобы девушка отнесла стихи в редакцию журнала «Аполлон», с которым поэт тесно сотрудничал. Волошина в «Аполлоне» уважали, к нему прислушивались и дорожили его мнением, ибо литератор, проработавший журналистом в Париже не один год и отлично знакомый с французской богемой, зачастую выступал посредником между только что созданным журналом и именитыми французами.

В редакции девушку встретили холодно. Главный редактор и издатель «Аполлона» Сергей Маковский, одетый дорого и со вкусом, окинул непрезентабельную посетительницу придирчивым взглядом и равнодушно разрешил прочесть что-нибудь из последнего. Лилия начала читать, и тут, как нарочно, в комнату вошел Гуммилев. Лилия поперхнулась от неожиданности, а отвергнутый жених присел на стул и принялся сверлить ее глазами, наблюдая, как бывшая невеста смущается под его колючим взглядом. Когда со сбивчивой декламацией было покончено, Маковский склонил в полупоклоне напомаженную голову, сверкнувшую идеальным пробормом, надменно поблагодарив, и сообщил, что ее стихи журналу не подходят. И Лилия вышла из редакции, хромя сильнее обычного. И вот она спешит по Лиговскому проспекту к Максиму, глотая слезы и негодуя на себя за то, что она такая нескладная, бездарная и самонадеянная.

Волошин квартировал в доме на Глазовской, поселившись у графа Толстого. Алексея Николаевича Лилия только что встретила в редакции и поэтому была уверена, что Волошин в квартире один. Не чувствуя под собой ног, Лилия приблизилась к доходному дому с лепниной на пышном фасаде, потянула на себя тяжелую дубовую дверь парадного, взбежала на нужный этаж и позвонила в квартиру. Открывшая дверь прислуга отшатнулась в сторону, увидев раздосадованное Лилино лицо, и Макс, вышедший в прихожую на шум, буквально подхватил рыдающую подружку на руки. Горничная, недоумевающая, скрылась в глубине квартиры, оставив Волошина с гостьей наедине. Уткнувшись ему в плечо, Лилия, всхлипывая, быстро заговорила:

– Я знала, что так будет! Мои стихи не приняли! Сказали, не подходят!

– Лилия, зайди, – настойчиво втягивая девушку в комнату, проговорил Волошин. – Успокойся, прошу тебя. Хочешь чаю?

– Какой чай, Макс? – плачущим голосом прокричала она. – Я бездарность! Я урод! Если бы ты видел, с какой брезгливостью на меня смотрел Маковский!

– Ну что ты, Лилия! – проникновенно воскликнул Макс, прижимая девушку к себе. – Ты очень мила и талантлива! И у тебя по-настоящему хорошие стихи!

Волошин обнял ее за плечи и, не давая скинуть плащ, подвел к большому, во весь рост, зеркалу, стоящему у стены его комнаты. Поставив подружку перед зыбким стеклом и шагнув в тень, исчезая за витой золоченой рамой, Волошин торжественно произнес:

– Вглядишься в себя внимательно, Лилия. И ты увидишь свою суть.

* * *

Оставшись одна на лестничной площадке, я приблизилась к отцовской квартире и позвонила. И, странное дело, дверь тут же распахнулась, как будто меня уже ждали. За дверью никого не оказалось, и я по инерции перешагнула порог и прошла внутрь квартиры, в темный коридор, единственным источником света в котором была узкая желтая полоса, пробивающаяся из-под двери кухни. В нос мне ударил крепкий запах химикатов и чего-то еще, неприятного и едкого. Я коснулась пальцами стены коридора и двинулась вперед. Но не успела я пройти и нескольких шагов, как за моей спиной щелкнул выключатель, и, обернувшись на звук, я увидела Сирина. Викентий Палыч стоял у стены, и суровое лицо его, изборожденное морщинами, выражало каменное спокойствие. Слюдяным блеском отливала очки, не скрывая устремленного на меня свинцового взгляда. Шагнув к входной двери, он запер ее на замок и накинул цепочку. Склонил голову набок, оглядел дело рук своих и, развернувшись, двинулся вперед.

– Добро пожаловать в нашу скромную обитель, – скрипуче произнес он, оглябая меня и удаляясь в конец коридора.

Я сразу заметила, что этот коридор гораздо короче того, что находится в квартире Ольги, и заканчивается он узкой дверью, какие обычно бывают у кладовок. А над кладовкой нависают забитые свертками антресоли. По противоположной от кухни стене виднелись три комнаты, а четвертая располагалась напротив. Я в растерянности застыла, не зная, куда мне идти. Сирин приблизился к одной из трех дверей и толкнул ее, собираясь скрыться в комнате.

– А мне куда? – смущенно улыбнулась я.

Сосед указал на единственную комнату, находящуюся со стороны кухни. Я двинулась к жилищу отца. Дернув дверь, убедилась, что она заперта, но на крюке слева висел длинный ключ с массивными бороздками. Немного повозившись с заедающим замком, я вошла в комнату. На меня пахло холостяцким жилищем молодящегося мужчины творческой профессии. На стенах черно-белые психоделические обои в крупных спиралях, в центре комнаты пустующий столик для лэп-топа из качественного черного пластика, рядом с ним дизайнерское рабочее кресло с эргономичной спинкой, в углу пухлый белый диван, а перед ним плазма на подставке. Давно не циклеванный дубовый паркет застелен тростниковой циновкой, скрывавшей выбитые фрагменты пола. Я бросила сумку на диван и огляделась по сторонам в поисках компьютера отца, но ничего похожего не наблюдалось. У профессионального журналиста – и нет компьютера? Такого просто не может быть! Это тем более странно, что другая техника присутствует в полном объеме. На подоконнике за серебристыми, с крупными листьями, занавесками, расположился принтер со сканером и прочая оргтехника. Здесь же поблескивал стальными боками электрический чайник и кофеварка. Я открыла темную дверцу шкафа из ИКЕИ, полагая, что планшетник может быть там, и оглядела убогие ряды книг. Среди собраний сочинений классиков и подписных изданий, во времена социализма водившихся в каждом приличном доме, легко угадывались современные книги. Отдельная полка была отведена под Грефов. Вытащив первую попавшуюся под руку книгу, я раскрыла ее и с первых же строк погрузилась в атмосферу интриги и тайны. Опустившись на диван, с головой ушла в чтение и очнулась только тогда, когда дочитала последнюю страницу.

Спохватившись, что просидела как околдованная, три с лишним часа, хотя всю дорогу мечтала принять душ и улечься в постель, я вышла в коридор и обомлела. Над входной дверью нависала деревянная фигурка черта, вырезанная из потемневшего от времени корня, которую я не заметила раньше. Я огляделась по сторонам. Соседа нигде не было видно, и мне сделалось как-то не по себе. Под ногами отчаянно скрипели истертые ромбы паркета, навевая мысли о древности этого дома и призраках, которыми он вполне может быть населен. Неприятный холодок пробежал по спине. Засосало под ложечкой. Меня окружали зеленые, выкрашенные

масляной краской стены и давно не беленный потолок, высокий, серый, с отбитой по углам лепниной. Вокруг тусклой лампочки, освещавшей коридор, скользили черные тени, и мне начало казаться, что это бес шевелится и отбрасывает единственной имевшейся у него рукой рваную тень. Стараясь не смотреть на фигурку над дверью, я устремилась по квартире в поисках ванной комнаты. Обнаружилась она в самом конце кухни, рядом с туалетом. Я споткнулась, чуть не упав, на выщербленной плитке, миновала кухонный стол с изрезанной клеенкой, шкаф с разномастной посудой, старую газовую плиту и табуретки у стены. Остановилась перед одинаковыми дверями и по очереди принялась дергать за потемневшие от времени ручки. Правая дверь была заперта, и сколько я ни тянула ее на себя, она так и не поддалась. За второй дверью оказался туалет с невероятной конструкции унитазом, виденным мною ранее лишь в старых фильмах. А также ванна. Ванна была вся покрыта ржавчиной и совершенно лишена эмали, а около нее валялись горы окровавленного тряпья, издающего чудовищную вонь. Похоже, централизованной подачи горячей воды в доме не было, ибо над ванной серела вековой грязью газовая колонка. Огня в ней не оказалось, а как ее включать, я не имела ни малейшего представления. И я отправилась за помощью к соседу. Не глядя на беса, парящего над безрадостной обстановкой отцовской коммуналки, постучала в одну из соседских дверей. Мне не ответили, и я толкнула дверь плечом. Заперто. Значит, попробуем постучать в следующую комнату. Я шла от одной двери к другой, стучала, ждала, дергала ручку, убеждалась, что и эта дверь закрыта, и переходила к следующей. Осталось последнее помещение. Я с силой стукнула по крашенному белой краской дереву, и дверь медленно поползла в сторону, приоткрываясь под напором моего кулака.

– Викентий Павлович! – позвала я, прислонившись к косяку и не решаясь заглянуть внутрь.

В квартире стояла гулкая тишина. Я подняла глаза и в ожидании ответа помимо воли принялась рассматривать черта над дверью. Черный, резной, деревянный. Вытянутая вперед рука и оскаленные зубы. Глаза казались белыми, слепыми и оттого еще более страшными. Бес как будто проникал этим своим невидящим взглядом в самую душу, и его насмешливый рот кривился в недоброй ухмылке, предвещая беду. Чтобы скрыться от его белых глаз, я проскользнула в комнату соседа и прикрыла за собой дверь.

* * *

По стенам освещенной лишь светом трех свечей комнаты ползли причудливые тени, искажая находящиеся в комнате предметы. В зеркале отражалось женское лицо с чересчур выпуклым лбом и слишком большими зубами. Лиля молчала, рассматривая некрасивую себя и стараясь увидеть что-то необычное. Но в отражении нельзя было прочесть ничего, кроме ее собственной невеселой жизни.

– Что ты видишь, Лиля? – глухо проговорил Волошин.

– Себя.

– И какая ты?

За стеной загремели кастрюлями, руша таинственную атмосферу, и Лиля обреченно выдохнула:

– Я самая обычная. И даже хуже многих. Я сильно хромаю, это последствие болезни. Ты же знаешь, Макс. Я тебе рассказывала. В детстве я тяжело болела, долго лежала прикованная к постели, и, поправившись, так и осталась хромой. Хромоногая и уродливая, вот я какая!

Голос девушки звучал обиженно и жалобно, точно ища у слушателя поддержки и взывая о помощи.

– Нет, не то, – поморщился Волошин. – Ты другая. Ты вспомни, Лиля. Вспомни себя настоящую. Ну же, какая ты?

Лиля опустила голову и, будто в трансе, настойчиво повторила:

– Я хромоногий урод! Меня не любили. Надо мной смеялись. Старшие брат и сестра отламывали моим куклам одну ногу, заявляя, что раз я хромою, то и куклы мои должны быть хромоногими.

– Нет, Лиля, это всего лишь часть той правды, которую ты про себя знаешь. Та ее часть, которую ты хочешь помнить, – перебил ее Волошин. – Но есть и та, что ты позабыла. Если заставить себя вспомнить прошлое, то можешь погрузиться в такую глубину своего земного существования, о котором ты, Лиля, и понятия не имеешь! Нет ни прошлого, ни будущего, так считал Августин Блаженный. Есть лишь настоящее прошлого и настоящее будущего, – голос друга журчал мягко, как горная речка, гипнотизируя и убаюкивая. – Бытие – это то, чего никогда не было и не будет. Бытие есть данность, настоящий момент. Пролетный миг есть ложь.

– Да, ложь... – эхом откликнулась Лиля.

– Но есть люди, которые помнят все, – вещал Макс. – Сын камнереза, родоначальник италийской философии Пифагор говорил о себе, что некогда он был Эфалидом и почитался сыном Гермеса. И Гермес предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия. Философ попросил оставить ему, и живому и мертвому, память о том, что с ним уже бывало. Поэтому при жизни Пифагор помнил обо всем и в смерти сохранил ту же память. Впоследствии он вошел в Евфорба, принимал участие в Троянской войне и был ранен Менелаем. И Евфорб рассказывал, что он был когда-то Эфалидом, что получил от Гермеса его дар. Рассказывал, как странствовала его душа, в каких растениях и животных она побывала, что претерпела она в Аиде и что терпят там остальные души.

– Да, да, я понимаю, – прошептала Лиля, будто в забытии. – Ты говоришь о памяти души. У меня тоже сохранились воспоминания о предшествующей жизни. Я постоянно о них рассказывала в детстве, когда не хватало фантазии придумать что-то свое. Мне, конечно же, никто не верил. Раз, приехав в одно имение, я узнала и парк, и место, о котором говорила с сестрой. Я очень удивилась и еще больше испугалась. Я точно знала, что бывала в этих краях, ходила по этим дорожкам, кормила уток на пруду и сидела на берегу в деревянной беседке. Воспоминания прекратились с большой болезнью. Вот ее я помню до сих пор. Мы были одни с братом на даче. И я уже была больна. Но он запрещал мне лечиться, говоря, что болезнь надо преодолеть. У меня был очень сильный дифтерит. Потом я ослепла на год. В это время я увидела в первый раз Того Человека. Падшего Ангела. Не хочу об этом говорить. Не желаю ничего помнить.

– Ты должна вспомнить, – строго оборвал ее старший друг. – Лиля, ты можешь.

– Да, могу, но не буду! Макс, мне больно, – всхлинула девушка, расстегивая плащ и передавая его на руки Волошину. – Я завидую Пифагору. Он мог помнить обо всем, не страдая. Это преимущество волшебников.

– Пифагор, несомненно, был волшебником, – согласно склонил к плечу большую голову Волошин. – В этом ты права, Лиля. Он учился в Греции. Затем в Египте. Финикии. Сирии. Сумел пересечь долину Евфрата и длительное время находился у халдеев, чтобы перенять их тайные знания. Через Мидию и Персию путешествовал в Индустан, где несколько лет был учеником, а потом, Лиля, сам стал иницированным в брамины Элефанта и Эл Алика. Имя Пифагора до сих пор хранится в летописях браминов, где он именуется Яванчария, что переводится как Ионийский Учитель. И, Лиля, нельзя не признать, что Пифагор воплотил в себе всю мудрость древних, как Иоганн Бах вобрал в себя музыкальную культуру Средневековья и Возрождения.

Волошин ласково провел ладонью по волосам девушки.

– Да, Лиля, конечно же, он был чародеем. Волшебником. Магом.

– И меня ты сравниваешь с Пифагором? – Вымученная улыбка пробежала по лицу.

– Ты сумеешь, поверь! – горячо заверил ее друг. И вкрадчиво проговорил: – Нужно только захотеть и поверить, что ты можешь. Ну, давай же, Лиля, вспомни, кем ты была в предыдущих перерождениях!

– Оставь, Макс, это невозможно, – простонала Лиля. – Я устала, я еле держусь на ногах!

– Милая моя девочка, – сострадательно глянул на нее Волошин, обнимая и прижимая к груди. – Я напою тебя чаем, а после помогу вспомнить. По линиям руки мы вместе вернемся в прошлое. Ты ведь знаешь, я владею древней наукой хиромантии. Я ведь тоже некоторым образом маг...

* * *

Застыв у порога, я громко позвала:

– Викентий Павлович! Можно вас на минутку? Никак не могу справиться с колонкой!

Выкрикивая призывы о помощи, я рассматривала необычную обстановку жилища Сирина. На письменном столе горела старая лампа под зеленым абажуром, слабо освещая бордовые стены комнаты. От пола до потолка тянулись темные полки, заставленные книгами. Потрепанные корешки старинных изданий небрежно стояли в беспорядке, давая понять, что ими постоянно пользуются, а не расставили по ранжиру для красоты. В комнате было нестерпимо жарко, ибо в углу горел камин, выложенный бело-голубыми изразцами. Перед камином покачивалось кресло-качалка с раскрытой книгой, наводя на мысли о том, что хозяин только что с него поднялся и, прервав чтение, вышел в другую комнату. В помещении имелись две двери. Через одну я только что вошла, другая вела в соседнюю комнату. Мне показалось, что комнаты переходят одна в другую, представляя собой анфиладу. Я вытянула шею, заглядывая сквозь приоткрытую дверь в соседнее помещение, чтобы убедиться, что моя догадка верна, и отпрянула. В нос ударил тот самый кошмарный запах, который шокировал меня с первых секунд пребывания в этой квартире, и чуть было не свалил с ног в ванной комнате. Помещение оказалось большое. Во всю стену вдоль окна тянулся стальной стол, под которым виднелся столик на колесах с разложенными на его поверхности хромированными инструментами. По обеим сторонам стального стола возвышались стеллажи с реактивами в стеклянных банках, подписанные химическими формулами и латинскими терминами. В век Интернета информация – не проблема. Я достала смартфон и забила в поисковик надпись с крайней левой склянки. Надо же, оксид мышьяка! Ну-ка, посмотрим, а что в пузатой бутылке? Ух ты! Азотнокислая ртуть! А эта прозрачная жидкость – оксихлорид фосфора. Судя по описанию, жуткая дрянь. Ужасно ядовитая штука. Ничего себе, подборка реактивов! Правду говорила Ольга, Сирин таксидермист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.